

АНЖЕЛА РЕЙ

ПЕСОК

Аннотация

Старое поместье и заброшенный дом хранят много тайн. Сами того не желая, юный цыган Норт со своим новым приятелем Призраком оказываются вовлеченными в роковое стечение обстоятельств: похищение, побег из тюрьмы, верная гибель на топях болота и неожиданное спасение. Все случайные события связаны с обитателями поместья и старинным семейным проклятием. Три страшные смерти лежат на совести одного из членов семейства.

Анжела Рей

Песок

У каждого свой Путь, но когда-нибудь он будет пройден. А потому надо превратиться во что-то иное, начать новый путь.

Пауло Коэльо.

Любовь — вовсе не состояние души, но знак Зодиака.

Габриель Гарсия Маркес.

Нет смерти легче, чем сказать «Прощай».

Джон Донн.

Сон завладел им мгновенно, вспыхнув алым над серой завесой тумана. Он снова увидел старый дом.

Белый соленый ветер тянулся до самого горизонта. Над ним белые треугольники облаков прошлого шли вереницей в дрожащем мареве заходящего солнца. Миражи разбойничали повсюду. Красный песок заката волнами тянулся по дну пересохшего русла. Огромный старый дом на холме тоже казался видением, то появляясь, то исчезая в наплывах раскаленного воздуха. Песок не хранил ни одного следа.

Горячая медь молотка обжигала ладонь. Он

помедлил, прислушиваясь. Шелест песка, молчание ветра...

— Просыпайся, Призрак! Твоя очередь дежурить. Разбудишь утром. Похоже, они тоже устали, как собаки. Мы оторвались, но черт знает этих наемников. Надо пробираться к топям, там они нас не достанут.

— Сколько времени? Не такая я важная птица, чтоб гонять меня день и ночь. Это за тобой охота. — Проворчал Призрак, которому показалось, что он едва успел закрыть глаза. Дом все еще дрожал в косых порезах солнечных лучей. — В таком тумане и ад не найдешь.

Его сетования прервало ровное дыхание Норта, уснувшего на слове «сколько». Призрак зевнул и поежился. Сырой сумрак с трудом сдерживал слезы, но дождь должен был разразиться с минуты на минуту. Серые стволы огромных деревьев, поросших мхом, с которого капала вода, напоминали мрачные колонны, подпирающие мокрое небо. Ноги онемели, желудок скрутило от голода. Призрак порылся в холщевом мешке — единственной ценностью, оставшейся у него после встречи с наемниками и заключением в темницу, где он пробыл недолго, увязавшись за Нортом. Карта на тонкой, но прочной кальке едва прощупывалась в секретном отделении. По счастью, грубые пальцы людей, привыкших

убивать без размышлений, не почувствовали легкого натяжения ткани. С едой было хуже. На дне мешка сиротливо бледнели крошки, которые Призрак аккуратно отправил в рот, тщательно собрав негнушимися пальцами.

— Интересно, как я узнаю, что прошел час? Что мы будем есть в топях, и, зачем Норт согласился освободить меня, совершенно незнакомого человека, и взять с собой? — Продолжал задавать вопросы туману замерзший Призрак. — Конечно, разные люди бывают, но...

Дождь разразился быстро и шумно, заполнив чашу шепотом, всхлипыванием и бульканьем лопающихся пузырьков. Норт сел, тряхнув головой.

— Нам лучше пойти дальше, не то совсем озябнем. — Предложил он, потирая глаза. — Говорят, в топях живет Костлявый Безумец, добрый старик-отшельник.

— Я тоже слышал о нем, но если честно, не очень-то поверил. Звучит странно «добрый безумец». Такой придушит во сне и спасибо не скажет...

— Выбора все равно нет. Хочешь, возвращайся в темницу, там хоть сухо, может быть, даже покормят.

— Спасибо большое. Меня даже допросить не успели, но все эти приспособления на стенах... Пойдем поищем старца.

Жижга противно хлюпала под ногами, ледяной дождь лился за ворот, зубы сводило судорогой. Топи встретили их черной пастью и корявыми стволами, похожими на расшатанные зубы. Пахло серой и гнилью. Тьма надвигалась с востока.

— Ночью, не зная дороги, идти опасно. Пропадем. — Стуча зубами, пробормотал Призрак.

— Дороги? — Искренне изумился Норт. — Ты считаешь, здесь есть дорога? Он тоже вымок и устал. Его бледное лицо облепили мокрые волосы. Глаза казались черными и огромными.

— Слушай, а на что ты рассчитывал, взламывая замок своей камеры? Местности ты не знаешь, еды у тебя нет, теплой одежды тоже! Это же безумие! — Взорвался Призрак. — Ты смерти ищешь? А еще меня выпустил, ты же меня не знаешь, а вдруг я тебя сейчас зарежу и съем!

Норт опустил голову, словно обдумывая слова Призрака. Потом резко выпрямился, заглянув его холодные карие глаза.

— Ешь.

* * *

В огромном поместье десятки слуг зажигали свечи. Белоснежные перчатки, словно бабочки, порхали по полутемным залам. Из сада было видно, как медленно, один за другим, открываются желтые

глаза окон. Вечер снял излишки красок заката с лепестков и листвы, оставив естественный тон. Фонтан в центре бил веселыми блестящими струями, намочив крылышки ожиревшего ангела, чьи пухлые щечки сильно сужали ему обзор. Вероятно, поэтому никто пока не пал жертвой его стрел.

В янтарных глазах кота, словно комар, пойманный вечностью, застыло время. Он презрительно урчал на коленях хозяйки, нежно теребившей его ухо костлявыми пальцами. Суета в доме означала только одно: еще один скучный вечер. Через час начнут прибывать гости. Через три — разъезжаться, как только иссякнут сплетни и шампанское. Кот демонстративно зевнул, выпустив острые коготки.

— Ты прав, Момо, все это порядком надоело. Сегодня я не спущусь к гостям. Ночь опять была беспокойной. Сон не шел ко мне, Момо. Грехи тяжким бременем отягощают душу. Мне страшно. Я покаялась святому отцу, он велел молиться. Во взгляде было осуждение. Скоро я явлюсь перед судом... — Голос старухи звучал глухо и взволнованно. — Я во всем признаюсь, надеюсь, они поймут меня и простят. Впереди только страдания.

Кот фыркнул и прыгнул с колен, встряхнул рыжей гривой и направился в кухню. Впереди у

него было еще восемь жизней, белое мясо курицы и свежий сырой желток.

Молоденькая служанка терпеливо ждала распоряжений. Ее белокурые волосы были аккуратно забраны в хвост, округлое личико сохранило выражение детской доверчивости. Большие серые глаза светились рассудительностью. Она неловко теребила край кружевного передника.

— Марта, проводи меня в мои покои, милая. — Попросила старуха. — И пришли Хикумо.

— Хорошо, мадам. Только он просил не называть его так, он обижается, мадам. А когда, за завтраком, Вы сказали, что стены его кабинета выложены остекленевшими глазами мертвецов... Я так испугалась, чуть поднос не выронила...

— Довольно, милочка, такая уж у него работа. Переправляет людей из мира живых в мир мертвых. Ты знаешь, каково это приговорить человека к смерти? Возможно, он тоже мучается бессонницей.

— Он всегда так смотрит, словно душу отбирает. Сейчас за ним схожу, он в зале с другими гостями.

* * *

От замка осталась башня, похожая на обглоданную с одного края кость. По нему когда-то

шла лестница, рухнувшая под гнетом времени. Полукруглое основание ушло в траву и корни вековых деревьев, обнажая оскал решеток когда-то темного подземелья. Маленький круглый дворик, усыпанный обломками желтого песчаника, был переделан под караульное помещение: деревянный навес служил крышей, в центре в землю был врыт большой деревянный стол из потемневшей древесины и пара простых лавок. За крошками на стол порой спускались любопытные юркие белки.

— Как то есть сбежали? Да вы знаете, почему у нас здесь тюрьма? В развалинах замка отлично сохранились подземелья. С одной стороны — откос, отвесная стена скалы. Уходит в овраг метров на сто. С другой — топи, болота с огоньками, как в страшных сказках. Посередине — лес, чащоба без просвета. Ночами воет кто-то. Да если заключенный чем-то недоволен, я только скажу: иди, милоч, на все четыре стороны, особенно если дело к ночи, так он на коленях молит остаться. И все у него сразу становится хорошо. А тут сбежали! Двое! Вы, верно, шутите, где заключенный из восьмой? Я должен его допросить. — Толстый начальник тюрьмы раздраженно покосился на крупного молодчика с переломанным носом. Короткие пальцы нервно ворошили стопку бумаг на столе, передвигая ее с места на место.

— Высылали погоню, на, целый день, на, лес

прочесывали. — Лениво процедил наемник, чистя ноготь острием широкого ножа. — Ребята чуть не околели. Туман такой, что вытянутую руку, не видно. Тут еще ливень начался. Если не сдохнут, на, вернутся под утро, приползут. Жрать запросят. Сопляки оба.

— Хорошо, если приползут, а то Одноглазый шутить не любит.

При звуке этого прозвища наемник вздрогнул и выпрямился. Аккуратно убрал нож в чехол.

— Что, был гонец? — Настороженно поинтересовался он. — Требовал кого-либо из заключенных?

— А почему, собственно, Призрак? — Почувствовав внезапный интерес, осведомился толстяк, оставив, наконец, стопку, угрожавшую чернильнице. — Кто он по документам? В розыске?

— Да нет у него документов. Проходимец какой-то. У нас Хью — собиратель мифов. Никак из него эту дурь не выбью. Читать он, видишь, любит. Нашел, на, пару книжек в разрушенной библиотеке, аж хрюкал от радости. Ребята над ним, подтрунивают, но осторожно. Он ударом кулака с ног быка свалит. Казалось бы, нормальный мужик, ан нет, читает он, понимаешь, в сортире... Просвещается. Ну, я, на, отвлекся. Так нашел местную легенду про этого, как его, на...остронотуса, нет, астролуга. Старика, значит.

Звезды, на, наблюдал, это в таком-то тумане! Только замок уж разваливаться начал. Все из него и ушли после пожара. Один старикан остался. Залез он со свечой на башню, а лестница возьми и обвалилась. Кричал он, значит, кричал, а потом засмеялся и помер. Во как. С тех пор свет на башне по ночам светиться стал... и смех слышится...

Посмеялись ребятки мои, да спать легли. Только ночью караульный как заблажит: свет на башне! Призрак! Тут все повскакали, и, ей-ей, свет. И тень по стене ползет.

— А чего он смеялся-то, коли помирать собрался? — Разволновался начальник, стирая пот с блестящей головы сальным носовым платком. — Никак помешался?

— Хрен его разберет, только взялся он гнусно хихикать, видя нашу такую потерянность. И пальцами в нас тыкать, указать нам, понимаешь. Тут Янин не выдержал. Он как выпьет, медведю глаз натянет. А тут, на, какой-то щуплый призрак. Закинул кошку, полез, глядь, сопляк по башне мечется, Призрак, значит. Как он его сразу не прибил, один бес знает. Смех его пробрал, так исходил, думали, концы отдаст. А сопляк не растерялся, вперед его спустился и в камеру забился, закрыть его просил. Закрыли из жалости. Так Призраком его и окрестили.

Толстяк развеселился, прыская в кулачок.

— Представляю, такой щуплый... А тут Янин! Наверно, в штаны наделал! Сам в камеру! — Лысина его краснела, из глаз просились слезы.

— К делу. — Жестко оборвал наемник, теребя рукоятку ножа. — Кто был нужен Одноглазому?

* * *

— Что ж, если в меню всего одно блюдо, — медленно процедил Призрак, доставая из рукава нож. — Меня ведь не обыскали толком, только сумку прошманали, еду вытряхнули, спички. — Он двинулся к Норту сквозь липкую грязь. Норт стоял, не двигаясь, следя за лезвием зелеными, как ряска, глазами. Рука с ножом поднялась, набирая размах, когда острое осветилось живым трепетом огня. Призрак тоже застыл, не смея поверить глазам. На лезвии плясало пламя. Они повернулись одновременно, замороженные веселыми бликами на черной поверхности топи. Сотни крошечных огоньков, повинаясь единому ритму, плясало вокруг. Они манили за собой, обещая твердь и сушь, они звали, обещая сытость и безопасность, они зачаровывали, обещая сон и небытие. Беглецы слепо пошли вперед, черная грязь быстро подбиралась к горлу, высасывая последние силы. Нож выскользнул из ослабевших рук Призрака. И тут все огоньки погасли, словно кто-то задул

именинный пирог. Очарование рассеялось. Ноги глубже уходили в тину. Холод сковал тело.

— Прости, я не хотел тебя есть, просто хотел проверить... — Грязь подбиралась ко рту.

— Я понял, ты тоже прости... — Ливень заливал запрокинутые лица. Призрак первым пошел ко дну, когда могучая рука подхватила его, вынося во тьму, которой можно было дышать.

— Сегодня ночь моего второго рождения. — Вяло подумал Призрак, прежде чем кануть в темный омут.

Раскаленный воздух дрожал, расслаивая белые облака над горизонтом. Солнце истекало кровью, пятная песок. Алые птицы заката тянулись к полуночи. Молоток раскалился, обжигая ладонь. Юноша медлил. Закат пронзал воздух острыми лезвиями лучей. Рука выпустила молоток, не в силах сдержать жар. Он беззвучно ударил в дверь. Облачко пыли взвилось над разохшимся деревом.

Тепло растекалось по телу, отдаваясь блаженством в каждой клеточке. Лежать было мягко и сухо. Чья-то огромная рука приподняла его голову, влив в полуоткрытый рот густой ароматный настой. Призрак приоткрыл глаза. Огромное толстое существо радостно улыбнулось ему. Детское розовое лицо смотрело с заботой и любовью. На нем был передник с рюшечками, но его хватало лишь на половину живота. В грубо

сложенном камине пел огонь. На покосившихся полках вдоль стен стояли пыльные книги всех мастей. Над огнем сохли их простиранные вещи, в том числе и холщевый мешок. Призрак нервно дернулся.

— Не волнуйся, — Прошептал великан, нагнувшись к его уху. — Карту и записку я вытащил и спрятал.

За столом, сделанном из двери, сидел строгий старик, сухостью и худобой походивший на богомола. У его ног покоился разошедшийся деревянный ящик.

— Он зашнул на вошеснадцать тысяч лет, потому, что не жнал, что делать дальше. — Изрек старик, подняв в воздух кривой указательный палец. — Вот почему так важно жнать, ради чего живешь.

Видимо это была заключительная часть речи, обращенной к гигантскому младенцу. Последний улыбнулся еще шире, приподнимая ватное тело Норта. Он умело залил дымящийся напиток в рот юноши. Тот закашлялся. Гигант нежно постучал его по спине.

— Где мы? — Задыхаясь, спросил Норт.

— Не волнуйся не в камере замка. — Оглянувшись на старика, великан добавил. — Мы друзья, здесь вы в безопасности.

— Небошь, проголодалишь, вон щуплые

какие. — Прошамкал старик. — Мама, готов ли наш ужин? Однако, хочется ешть. Пахнет не дурно. Кштати, не плохо бы отышкать Шейбу, и насыщатъся иж шошков ее.

Тут Призрак ощутил такой приступ голода, что у него потемнело в глазах. Мама оставил Норта, метнувшись к печи. Надев толстые рукавицы, он извлек из раскаленного нутра глиняный горшок, заполнивший ароматом всю хижину.

— Все готово, Безумец! — Радостно воскликнул он. — Прошу всех к столу.

Мама ловко разложил тарелки и приборы, глубоким черпаком разлив густую ароматную похлебку. Аккуратно нарезал хлеб, прижав буханку к груди. Разлил пенящийся сидр. Ближайшие четверть часа прошли в тишине, только птицы кашляли в лесу, а Мама, смахивая скупые слезы, накладывал добавку в тарелку Призрака. Поев, оба гостя отправились спать. Норта бил озноб. Мама дал ему вторе одеяло.

— Воскрешнув, он огорчилшя. «Что же мне делать дальше?» — Голос старца дрожал от непонятого возбуждения. Соленые морщины натянулись на взволнованном лице. — Вот почему каждый должен жнать, ради чего он живет, и вше делать в шрок. — Немного помолчав, он добавил некстати. — Я жапретил птицам шмеяться.

Младенец страдальчески поднял брови.

— Да, да. У наш гошть «ш блештящими глазами в доме». Ты понимаешь? — Шепотом добавил он, оглянувшись на спящих гостей. — Такое не чашто шлучается. Надо бы помочь ему, предоштеречь. Уж больно горяч.

* * *

Утром Мама вернулся с топей с хворостом и новостями. Скинув, охапку в угол кухни, он тщательно вытер покрасневшие руки о передник. Великан говорил, не отвлекаясь от работы, умело разведя огонь в очаге.

— Там наемники по болотным огонькам палят из ружей, зачем? Сети закидывают...неужели надеются в трясине рыбы к ужину наловить? Или ума лишились?

Старик привычно поднял палец, отвечая на вопрос. Его травянистые брови сошлись на переносице.

— Режкое колебание вождуха, по мнению некоторых, выживает подъем болотных гажов, а ш ними и мертвых тел. А шолнце унеш ветер.

Норта передернуло. Призрак улыбнулся.

— Твое тело ищут. — Весело сообщил он, подмигнув Норту. — Ну, и мое заодно.

— Они могут придти сюда? — Тяжело привстав, беспокойно поинтересовался юноша.

— Исключено. Ждешние тропинки жнает только Мама. Школьных мертвецов он перевидал! Вам повежло, что он корзину на том берегу оштавил, да вернулся. Пропала корзина. Иж глаж первого мертвеца вожникло шолнце. — Как всегда нелепо закончил Костлявый Безумец.

Норт с облегчением откинулся на подушку и закрыл глаза. Мама положил ладонь на его влажный лоб.

— Жар у него. — Пожаловался толстяк. — Пойду, сделаю настойку.

Призрак увязался с Мамой на маленькую кухню. Он с ногами вскарабкался в старое кресло, удобно устроившись поближе к огню.

— Что это старик все время бред несет? Вроде, не дурак.

Мама тепло улыбнулся, доставая из располневшего и постаревшего буфета мешочки с сухими травами.

— Он был знаменитым ученым. Изучал древние культы или как это называется. Целыми днями книги читал, и нашло на него просветление. Помню, он все твердил: о, если мог бы я быть самому себе незнакомым! Прозрел он будущее. Неправильно, говорит, мы живем. Прежде люди так никогда не жили.

Я тогда мальцом был на побегушках. Сиротой никчемной. Он мне много рассказывал, только я не

запомнил. Решил он уйти от суеты в глушь. Продал имение и выкупил кусок земли на топях и кое-какие мелочи. Я с ним пошел, куда ему одному — ни дров нарубить, ни воды принести. Огородик у меня за домом, коза. Так мы и живем здесь.

Призрак задумчиво катал по столу шарик из хлебного мякиша. Его короткие светлые вихры непослушно торчали во все стороны. Над пухлыми губами вился первый пушок. В карих глазах смешались дерзость и печаль.

— Я бы со скуки умер. Так ты здешние места хорошо знаешь?

Мама улыбнулся, понимающе кивая.

— Карта твоя — фуфло, прости за слово нехорошее. Кто составлял, извести людей хотел, нарочно все гиблые места крестами отметил. Прости, что заглянул, просто, местность знакомой показалась, вот и не удержался.

— А что, уже наведывался кто-то? О каких мертвецах толковал старик? Неужто, утонувшую церковь искали? Кстати, ты ее видел?

— Сколько вопросов! Искали ее, только я понять не могу — зачем? От нее ничего почти не осталось. Срам один. Тебе-то она зачем?

Призрак сделал трагическое лицо и придвинулся к Маме вплотную. Тут же сплюнул и отодвинулся.

— Слушай, не могу я тебя Мамой называть!

Ну, какая ты мне мама? То есть — какой? Придумай что-нибудь поприличней. Мамай или Мазай, я не знаю.

— Чем плохое имя? — Обиделся толстяк. — Призрак лучше? Ты бы еще Пугалом назвался Огородным.

Он отвернулся к очагу, и, обижено сопя, взялся отбирать сухие травы из мешочков, повесив на огонь котелок. Призрак поразмыслил о чем-то и принес хворост из угла кухни и подбросил в огонь пару сучьев.

— М-мама, прости, устал я что-то. Хотел с тобой поделиться тайной. Ты умеешь тайны хранить?

Мама продолжал возиться у очага, поджав губы, хотя сопеть стал тише, было понятно, что он заинтригован.

— Так вот, слушай. Только никому. Мое настоящее имя Поликсенес Эрнст Теодор Амадей не могу сказать полностью, пока не найду отмщения, я и так довольно открылся. Родился я в очень богатой и благородной семье. Рос я счастливым ребенком. Все меня баловали и любили, пока матушка моя не захворала и не уехала лечиться в частную больницу где-то высоко в горах. Отец ее очень любил и скоро поехал следом, оставив меня на попечение многочисленных родственников.

Тут тетка, лечившаяся от бесплодия всю сознательную жизнь, вдруг забеременела и родила сынишку. Стало ее заедать, что ее отпрыску ничего не светит, так как все состояние я получу. Тогда она заплатила викарию, чтобы он из церковной книги изъясил все данные обо мне, будто я не родился. Старый подлец продал меня, не моргнув глазом. По счастью, были среди родни и честные люди. Мой старший кузен тоже посвятил себя церкви. Так он случайно весь разговор подслушал, схватил книгу и сбежал, куда глаза глядят. Долго странствовал он по свету, пока не набрел на местную церковь. Она тогда была симпатичней. Тогда он спрятал книгу и нарисовал эту карту. Вложил вместе с запиской в мою любимую книжку, с которой я не расставался ни днем, ни ночью.

Призрак замолк, уставившись в огонь, словно углубившись в воспоминания. Во дворе заблеяла коза.

Я же ни о чем не догадывался, поскольку был мал. Викарий признался, что книга пропала. Тогда тетка решила действовать наверняка и устроить мне несчастный случай. У тебя из котелка что-то бежит. Ага, вот так-то лучше. О чем я?

— Несчастный случай. — Подсказал толстяк замирающим голосом.

— Ну что ты так разволновался, я здесь, с тобой, значит, жив остался. Был у меня урок

верховой езды. Так тетка на конюшню пробралась и под седло моей бедной лошади какой-то дряни накрошила. Это все я уже потом понял, а в тот день Эсмеральда понесла, да так, что меня нигде найти не могли. Она сбросила меня в чаще густого леса, вокруг поместья леса были непроходимые, вроде как здесь, я упал, и ничего потом не помнил. Видимо от страха. Знаешь, ветер в ушах свистит, все вокруг тебя кружится, а ты ничего не можешь сделать.

Меня подобрала старуха. Такой я был ладный ребенок, что задумала она меня себе оставить. Сначала я верил, что она моя родная бабушка, мы прожили вместе несколько лет, а потом случайно наткнулся на книжку, которую она схоронила за половицей в чулане. Это был просто взрыв в голове. Я сразу все вспомнил и, не попрощавшись с бабулей, отправился к поместью. Там меня ждало горькое разочарование и боль утраты. Меня никто не узнал, в дом не впустили, зато слуги сообщили, что родителей больше нет, а наследник моего состояния прыщавый урод с ярко выраженным слабоумием. Тогда я поклялся восстановить справедливость, найти книгу любой ценой и вернуть себе все, что принадлежит мне по праву рождения.

Мама плакал, уткнувшись в передник.

— Бедный мальчик! Я помогу тебе, я тебя не

оставлю. Хочешь печенья или сушеных яблок?

Глаза Призрака блестели. Он обнял Маму и взял протянутое печенье.

— Только сам я туда пройти не смогу, крупноват я для этих проходов. Тебе понадобится помощник, одному там никак. Попроси Норта с тобой пойти, объясни ему все, он, кажется, хороший парень.

Призрак напряженно жевал печенье.

— Я его совсем не знаю. Присмотрюсь к нему недельку, там видно будет. Сидр остался?

* * *

Момо внимательно огляделся по сторонам, замерев на мгновение, затем осторожно выпустил добычу изо рта. Кончики рыжих ушей чутко двигались. Пару минут он лежал, вертя хвостом и прислушиваясь, не спуская с нее глаз, затем прыгнул и азартно закружился по зале. Он так увлекся игрой, что не заметил Бетти, крадущуюся к нему. Лотти блокировала дверь. Девочки подхватили кота и его добычу с победными криками и полетели вверх по лестнице, обгоняя и толкая друг друга, в покои графини.

Графиня нетерпеливо ждала. Изысканный веер нервно подрагивал в морщинистых руках. Высокая. Идеально ровная осанка. Пышный пучок

волос, тщательно уложенных гребнем. Высокий лоб, тонкое лицо, прочерченное морщинами, длинная шея — все в ней было благородным и изысканным. В покои вошел высокий подтянутый мужчина, его седеющие короткие волосы были зачесаны назад. Темно серый костюм сидел на нем прекрасно. Он поклонился, графиня подала ему руку.

— Графиня?

— Эдуард?

— Вы посылали за мной?

— Я бы хотела с тобой поговорить, как с преданным другом семьи. В последнее время меня мучают кошмары. Я ношу на сердце страшный грех. Вчера я открылась святому отцу, но мне не стало легче. Я даже подумала, нет ли на нашем роду проклятия?

— Проклятия? Боже сохрани. Насколько я помню историю рода, самым трагичным событием за последние сто лет была потеря кольца Вашей троюродной сестрой Августой, ставшая официальной причиной отмены ее помолвки с сэром Уильямсом младшим.

— О да, эта ее рассеянность! И нелепая привычка делать несколько дел сразу. Никогда не забуду, как бравый Майкл встал перед ней на колени, а она приоткрыла вуаль, забыв, что на ее лице питательная маска. Юноша лишился чувств,

помолвка была расторгнута. Бедняжка так и не вышла замуж. Самая пышная свадьба была у моего Альфреда с Розалией. Помнишь, какой они были прекрасной парой. Правда, и Натаниэль получился красавец, кстати, отец отправился навестить его. До совершеннолетия осталось так мало времени, он, наконец, получит родовой перстень... Жаль, Розалия ушла так рано. Мальчик даже не помнит ее.

Графиня тяжело поднялась и подошла к окну, затопленному потоками заходящего солнца. Сад был похож на причудливый город, Город Заката, открывший ворота последним караванам уставших облаков. Черный пес ночи улегся у ворот, выкусывая звезды из пушистого хвоста.

Снаружи раздавался какой-то шум. Сразу несколько голосов громко спорили о чем-то. Тонкий плаксивый голосок Бетти о чем-то настойчиво спорил с Лотти, вереща на самых высоких частотах. Марта пыталась их успокоить, потом раздался визг и красивый тенор кота. Видимо, у него был самый весомый аргумент.

Собеседник помолчал, тоже глядя в окно. Тени у корней травы густели, словно из земли в небо прорастал вечер.

— Как Натаниэль? Лучший студент на курсе?

— У него проблемы с верховой ездой. Похоже, он боится лошадей. Странно, в поместье всегда были лошади. Возможно, дело в методе

преподавания. Не знаю. Ты бы покатайся с ним верхом в свободное время.

— Конечно, графиня, Вы же знаете, я люблю его, как сына. Но мне пора идти. У меня назначена еще одна встреча. Да хранит Вас бог.

В дверях полковник столкнулся с Бетти, Лотти и Мартой. Последнюю он одарил недобрый взглядом ледяных серых глаз. Марта сжалась и быстрее протиснулась в дверь. Близняшки зататорили одновременно.

— Это я его первая нашла! Он мой! Отдай! — Голосила Лотти, пытаясь отнять что-то у Бетти. Марта старалась урезонить сестер.

— Он исцарапал меня и смылся! — Задыхнулась Бетти, демонстрируя длинную царапину на руке.

— Убежал. — Мягко поправила Марта.

— Убежал то есть. Днем в саду он ловит огромных ослепительных мух и ест их! Я сама видела! — Бетти сделала огромные глаза.

— А сегодня украл на кухне сырое яйцо и гонял по залу, пока не разбил. Марта не заметила, поскользнулась и... Покажи руку! Врач ей локоть забинтовывал!

— А сейчас я отняла у него это! — Бетти победно поднесла ладонь к лицу графини. На раскрытой ладошке лежал бледно-зеленый стеклянный глаз. Лотти пыталась выхватить его.

Марта взвизгнула и отшатнулась. Графиня перекрестилась.

— Выбросите эту гадость! А с Момо я обязательно поговорю.

— Можно я оставлю его себе?

— Я его первая нашла!

— Дайте-ка его Марте. А в конце недели я спрошу у нее, кто из вас лучше себя вел.

Бетти недовольно рассталась с сокровищем и выбежала из комнаты, едва попрощавшись с графиней. Лотти сделала неуклюжий реверанс и вылетела следом, сердито крича что-то сестре. Марта замаялась на пороге, взволнованно теребя глаз.

— Ты хотела мне что-то сказать, милая?

— Я слышала в город табор приехал. — Глаза ее по-детски вспыхнули. — Глотатели огня и шпаг, силачи, акробаты и фокусник! Настоящий чародей! — Она спохватилась и заговорила спокойней. — Граф уехал к Натаниэлю, вот я и подумала, не отпустите ли Вы меня вечером... Всего на пару часов?

— Цыгане! — Фыркнула графиня. — Дурной тон. Дурно пахнущие воришки. Дурная слава.

— Я слышала, молодые конокрады невероятно хороши собой! — Марта потупилась, краснея.

Что-то в ее фразе затронуло старую графиню.

Она надолго задумалась, словно погрузившись в прошлое, потом тяжело вздохнула.

— Чтож, иди, потом расскажешь все подробно о твоих красавцах. Осторожней с кошельком, я бы на твоём месте оставила его дома.

* * *

— Жар спал, проснется, будет как новенький. Надо его только подкормить, уж больно отощал. Вас что в тюрьме не кормили?

— Не знаю. Я там почти не был. Просто забрался на башню, осмотреться, не ожидал, что во дворе — наемники. Они давай орать и пальцами на меня показывать. Тут я легенду вспомнил. Она на обратной стороне карты записана была. Понял, что они меня за мертвого звездочета приняли. Дай думаю, напугаю. А рожи у них тупые...

Старик поднял костлявый палец и покачал головой.

— То есть, лица не интеллигентные, глаза выпучены, меня смех и разобрал. Стал я завывать да пальцами в них тыкать. Тут самый тупой, который вообще не врубил... не понял ситуацию, закидывает кошку с веревкой на конце и лезет ко мне на башню. Я растерялся, признаться, даже запаниковал. Тут до него смысл происходящего дошел, и стал он тупо ржать...Простите, глупо

смеяться. Я, тем временем, спустился по его же веревке. Смотрю — бежать некуда, ночь, темнота, глаз коли. Ну, я и заперся в камере. Они мою сумку осмотрели, еду сожра... скушали, спички себе забрали, и мне в камеру кинули, сво...нехорошие люди. Часу не прошло, как все успокоилось, мимо спокойно так этот идет. — Призрак мотнул головой в сторону спящего Норта. — Я ему говорю, меня, мол, выпусти. Он спокойно так замок проволокой поддел и открыл дверь. Тут мы и припустили по лесу. До сих пор ноги болят.

— У духа огня были пчелиные глаза и свиное рыло. — Подняв палец, изрек Безумец, покосившись на очаг. — А что привело тебя в наши края?

Мама и Призрак переглянулись.

— Желаете исправить ошибки? Шобака видит душу паштуха в тумане...

— Вот именно. — С явным облегчением выпалил Призрак.

— Тебе будет трудно, шынок, тебя ждет чудовище «Жрячая плоть», оно похоже на печень ш глазами, но ты шправишьшя и обретешь иштинных друзей. А ешли нет, левый глаж твой штанет шолнцем, а правый — луной.

— Обнадеживающая перспектива...

Призрак выбрал самое большое яблоко из корзины, стоящей перед ним на столе, и с

удовольствием вонзил в него зубы. Норт резко сел в кровати, но оглядевшись, медленно лег на подушку.

— Тебя пытали? — Жуя яблоко, поинтересовался Призрак. — Ты что такой нервный?

— Оставь мальчика. — Строго сказал Мама, доставая горшок из печи. Нарезь-ка лучше хлеба. А ты, Норт, иди, поешь. Сил наберись.

Норт попытался встать, его шатало.

— Лежи уж, сам покормлю. — Захлопотал Мама.

Призрак скроил гримасу, закатив глаза. Мама принялся методично впихивать в Норта пищу. Безумец печально посмотрел на юношу.

— Тебе, сынок, тоже придется нелегко. Ты побывал в штране чернозубых, и они приняли тебя. Двенадцать богинь обучали тебя шмеяться. Ты ошвоил науку.

Призрак подавился яблоком и закашлялся. Старик строго взглянул на него, погрозив пальцем, но Призрак и не думал сдаваться.

— Сколько, говоришь, богинь? Не обсчитался? Они тоже были чернозубые? Ну, ты Норт, везунчик.

Норт рассмеялся неожиданно звонким и озорным смехом.

— Нет, зубы у них были белоснежные и очень красивые. И не только зубы. Они же богини. —

Сказал он, подмигнув Призраку. Тот высунул язык в ответ.

Старик сделал вид, что ничего не заметил. Загробным голосом он продолжил свои пророчества.

— Ты обидел шамана, и он шделал Толокоша из мертвеца, вырезав ему язык и глажа. Теперь он прешледует тебя.

Лицо Норта стало очень серьезным и бледным.

— Так вот почему ты такой нервный. Прости, друг, не знал. — Простодушно отреагировал Призрак, разводя руками. — Так бы сразу и сказал.

— Можно ли тебе помочь? Не жнаю, но ешли нет, пошледиий вждох твой шделаетшя ветром и облаками.

Мама застыл, не донеся ложку до тарелки. Лицо его выражало отчаяние и сострадание.

— Ничем нельзя помочь? Как же так, Безумец!

— Вше фонтаны будут рыдать по нему.

* * *

Натаниэль ждал отца. Ему нездоровилось. Сразу после завтрака разболелся желудок. Он отпросился с урока французского и ушел в сад, где было прохладней. Легче не стало. Он подошел к

фонтану, увидев в отражении бледное перекошенное лицо, подставил его под холодные струи.

— Выглядишь ужасно, что с тобой? — Тревожно спросил Леонардо, которого Натаниэль всегда воспринимал как брата, закрывая калитку.

— Ты что не на французском? — С трудом отрываясь от прохладных струй, пробормотал юноша.

— Меня выгнали. Я увидел в окно, что ты по саду шатаешься, бледный, как мертвец. Стал насвистывать. Сам знаешь, как француженка относится к свисту. Вероятно, до сих пор лекцию о вреде свиста читает.

Натаниэль слабо улыбнулся.

— Спасибо. Ко мне отец должен приехать. Жду с минуты на минуту.

— Тебе бы доктору показаться, напугаешь отца-то.

— Сейчас пройдет. — Прошептал Натаниэль синюющими губами и мешком повалился в траву.

Перепуганный Леонардо стал звать на помощь, таща бесчувственное тело друга к главному корпусу. Отец юноши вовремя подоспел, подхватив сына.

Он внес Натаниэля в кабинет, аккуратно опустив юношу на кушетку, расстегнув ворот рубашки. Встревоженный врач тщательно мыл

руки.

— Прошу всех выйти. — Строго произнес он и занялся осмотром.

Прошло несколько напряженных минут. Леонардо нервно теребил пуговицу на пиджаке. Альфред мерил шагами коридор. Шеф охраны, не отрываясь, смотрел в окно, вертя зубочистку.

Врач тихо прикрыл за собой дверь. Все глаза устремились на него.

— Вы подоспели вовремя, мальчик вне опасности. Я сделал промывание и еще ряд процедур. Но отравление не пищевое. Кто-то покушался на жизнь Натаниэля.

* * *

Начальник тюрьмы угрюмо изучал лица наемников. Большинство отводило глаза, счищая засохшую грязь с одежды или изучая стены караульного помещения. На столе лежала грязная сеть и горка мусора.

— Итак, каковы наши достижения? Пустая корзина, неизвестный нож и пара скелетов. Вы выяснили, где хижина Безумца, если таковая имеется? Вы нашли обходные пути или хотя бы брод в трясине? Нет? Так убирайтесь с глаз моих долой! Одноглазый приезжает завтра утром. Ему

нужны два сбежавших сопляка. Если к утру их не будет, вы эту трясиину жрать будете на завтрак, обед и ужин!

Они собрались в подвале башни, у полуразрушенного камина, злые и возбужденные. Сидели прямо на камнях, нервно раскуривая сигареты.

— Отсюда сбежать, что плюнуть, решетки старые, расшатанные. Вот мне подельник рассказывал, а он в большой тюрьме в городе охранником работал. Привезли им арестанта, здорового такого толстяка, вроде нашего начальника. И срок у него какой-то немаленький был. Так он жрать перестал, не совсем, конечно, но поменьше. Никому и дела нет, не хочешь — не жри, а он килограмм двадцать скинул, ночью разделся, намазался жиром и сквозь все решетки угрем пролез. Стоит, голый, в центре города блестит и радуется.

— И че?

— К нему полицейский подкатил, а тот и говорит, что в кино снимается, да так в образ вошел, что съемочную группу потерял. Копу интересно стало, кого же он играет. А тот ему — Адама, говорит, не трогайте, мол, мне и так плохо, меня из Рая только что выгнали. И всего-то делов — яблоко обгрыз. А копу уже по радиации сказали, что арестант сбежал. Вот он радостно так говорит, не

печалься, я тебя сейчас обратно в Рай доставлю.

Рассказчик весело подмигнул товарищам. Они недружно посмеялись, каждый думая о своем. Балагур не унимался.

— А еще рассказывал, один заключенный в сортир попросился. Взял туалетную бумагу и сделал...

— Хватит байки травить! Дело надо думать. — Зло прервал тощий высокий Хорек.

— Утонули они, глаз даю. Ночью, в дождь из топей еще никто не возвращался. Да еще огни эти — точно говорю, сгнули, так Одноглазому и скажем. — Предложил могучий Янин, сворачивая самокрутку.

— Ты что ж, не слышал об Одноглазом? Он тебя и в аду найдет, черту в рыло даст, а твои кишки на кулак накрутит. — Наматывая воображаемые кишки на кулак, прокомментировал Рыжий.

— А еще у него верные ребята, которых только покойники не боятся. — Вздохнул Балагур.

Главарь с перебитым носом что-то сосредоточенно обдумывал. Наконец, он хрипло рассмеялся.

— Обратно в Рай, это в тюрягу что ли?

* * *

Шли дни, Норт окреп и с удовольствием помогал Маме с самой тяжелой работой. Но временами на него находила непонятная тоска, он часами сидел у очага и, молча, смотрел в огонь. Не обращая внимания на очередной приступ меланхолии, Призрак вразвалку подошел к Норту, засунув руки в карманы заношенной куртки, и уставился в зеленые глаза.

— Слышь, Норт, по тебе все равно будут рыдать фонтаны, такая хорошая куртка пропадет. Давай махнемся?

— Давай. Сразу после того, как твой левый глаз станет солнцем, а правый — луной. А если ты наивно полагаешь, что я не могу украсить одно из твоих светил хорошим фингалом, ты ошибаешься.

— Вижу, ты — дельный парень, тебе можно доверять. Пойдешь со мной в разрушенную церковь? Это недалеко. Мама нас проводит.

— Как раз туда собирался, как только жареный петух пропоет.

Норт сломал толстую ветку и швырнул в огонь. Призрак понизил голос.

— Я заплачу.

Норт весело расхохотался.

— Твоей заначки не хватит. Даже в один конец. Кстати, я ее перепрятал, так что будут нужны деньги — обращайся. Правда, процент у меня высоковат, но для тебя...

Призрак вмиг растерял всю самоуверенность, как и дар речи. Задыхаясь, он смотрел на Норта, не в силах издать не звука.

— Тебе Мама сказал? — Наконец выдавил он, вплотную подойдя к Норту.

— Что ты, Мама — святой человек, раз поверил твоим бредням. Я чуть не расплакался, когда злая тетка обидела лошадку, накрошив ей что-то под седло. Ты когда-нибудь кобылу видел? Ах да, на картинке в букваре на букву «ка».

Норт равнодушно отвернулся, подбрасывая хвост в огонь.

Призрака мелко трясло. Он не знал, то ли наброситься на обидчика и разбить ему лицо, то ли облить его ледяным презрением. Наконец, его прорвало.

— Ты же лежал в бреду! Ты же ложку в руках удержать не мог!

Норт резко развернулся и уставился на Призрака. Его голос зазвучал по-новому: напевно и властно.

— Я — сын цыганки, прошедший огонь, воду и медные трубы. Жизнь научила меня замечать и схватывать все в любом состоянии. Я выну у тебя сердце, а ты не заметишь. Я продам твою душу, а ты не узнаешь. Я тебя заговорю, ты забудешь, кто ты. Я умею заклинать ветер и огонь. Меня понимают звери. Ну, что, идешь со мной в церковь

в сердце топи? Конечно, если моя доля пятьдесят процентов.

Призрак застыл. На мгновение ему показалось, что Норт смотрит прямо ему в душу, и, вдруг из мрака вырвался пламенеющий закат, по глазам полоснули раскаленные лезвия лучей, а из наплывов жары вырос дом на холме, объятый неземным свечением. Он медленно оторвался от земли и воспарил, огромной тенью закрывая небо. Из его окон вырвался нестерпимый свет, а солнце занялось пламенем, оплывая в песок, как свеча, огненным дождем. Тело Призрака загорелось, теряя части. Голова отлетела на несколько миль. Мир вокруг погас, из мертвого левого глаза медленно взошло солнце. Призрак вскрикнул и повалился на руки Норта тряпичной куклой. Где-то в лесу пронзительно закричала птица.

Мама суетился возле Призрака, брызгая на него ледяной водой. Лицо юноши бело совершенно белым. Норт стоял у камина, обхватив плечи руками, и смотрел в огонь. Призрак медленно открыл глаза и сел.

— Я пойду с тобой, Норт, но твоя доля — сорок процентов, а моя шестьдесят. — Произнес он белыми губами. — И заначку вернешь.

Норт повернулся, удивленно изогнув бровь. Потом рассмеялся.

— По рукам. Когда выходим?

— Сначала поедим. — Наставительно изрек Мама, искоса поглядывая на Норта, все еще стоящего у огня. — Я вас провожу, дорогу отмечу и обратно пойду. Мне еще обед готовить. Если беда какая, не приведи господь, голубя посылайте, он у меня ученый. Я его вам в корзине оставляю.

Взяв крепкие палки и мешок с едой, они вышли к топи. Мама шел первым, уверенно ступая, показывая едва приметные знаки и ориентиры. Сначала, шли молча, потом Маму разобрало.

— А знаете, откуда топи взялись?

— Выкладывай. — Отдуваясь от быстрой ходьбы, разрешил Призрак. Норт шел легко, словно по ровной дороге, вымощенной булыжником.

— Замок этот, в котором тюрьма сейчас, был когда-то очень красивым. Только хозяином в нем был человек без сердца. Заманивал он гостей и убивал их. Поговаривали, будто он человечесье мясо любил. — Толстяк перекрестился. — А трупы в лес отвозил, вот на это самое место, по ночам, и закапывал. Деревенские не любили его, боялись, колдуном его считали.

А тут начался мор в деревне, каждого второго унесла смерть. И пошли крестьяне с огнем на замок, колдуна спалить. Замок подожгли, колдун, говорят, вороном обернулся и улетел. Только место скверным осталось.

Тогда решили местные церковь поставить, да

место не рассчитали, никто ж про захоронения не знал. Аккурат, здесь строить и начали. А как копнули склады-то строить, черепа-то да косточки и посыпались. Не успели еще церковь освятить, как в ночь стали тучи собираться. Ветры волками выли. И пошел ливень великий, да не кончался. Стали мертвецы из воды выходить да воду мутить. Так топи и пошли быть. А огоньки — то души их неупокоенные.

Мама покосился на молодых людей, выясняя произведенный эффект. Норт, похоже, думал о своем, а Призрак устал, тяжело опираясь на палку.

— Далеко еще? Ноги вязнут. — Пожаловался он.

— Пришли почти. Вон за тем холмом стена начинается.

Топь постепенно мелела, замаячили проплешины травы, стал слышен птичий гомон. Тяжелая духота топей отпускала, мошकारа осталась над трясинной. Старая каменная кладка, густо поросшая мхом, чернела провалами, словно пустыми глазницами. На мертвых деревьях перекликалось воронье. Узлы пересохших корней торчали из земли, как сученные руки, сжатые в кулаки.

— Славное местечко. — Осмотревшись, изрек Норт. — Нам, видимо, под землю?

Призрак зябко поежился.

— Мам, может быть, ты здесь подождешь, черт с ним, с обедом.

— А Безумец? Будет из-за тебя голодным сидеть? Нет уж, я пойду. Держи голубя. Вход под двумя деревьями, что переплелись. Дорогу запомнили? Ну, с богом.

Толстяк прихватил для очага несколько сучьев и заторопился назад.

* * *

Марта настойчиво постучала в дверь. Графиня оторвалась от книги и взглянула на часы. Представление должно быть, уже закончилось. Ей предстояло выслушать увлекательный рассказ о красавцах конокрадах.

— Входи, милая. — Разрешила она, откладывая книгу.

Марта была сама не своя. Она вбежала в комнату, едва владея собой, чтобы не нарушать приличий. Щеки ее горели, серые глаза искрились нетерпением.

— Видимо, конокрад действительно хорош. Ты пылаешь, как маков цвет. Рассказывай.

— Я вышла пораньше, разволновалась, почему-то, решила пройтись пешком до города, поостыть. Тут ведь не далеко. И пошла, почти пришла уже, за поворотом — город. Вдруг слышу:

стрельба какая-то, крики, лошади ржут, невообразимое что-то. Я спряталась у обочины. Потом мимо меня автомобиль промчался, огромный такой, с открытым верхом весь людьми забитый. Все в черном, и маски на глазах. Прямо, как в кино.

Потом женщины заплакали, прямо сердце разрывалось. Я пошла посмотреть, а там — цыгане, табор целый. Меня увидели, бросились ко мне, спрашивают, где ближайшее поместье, врач им нужен, на них бандиты напали, много раненых, а один... — Марта не удержалась и всхлипнула. На глаза ее набежали слезы. — Тяжело. Ему плечо прострелили. И брата родного украли. Он ничем плохим не пахнет и не воришка! Он кровью истекает! Они просили у Вас разрешения на опушке у дома на ночь встать. Боятся нового нападения. — Марта заплакала, как дитя, закрыв лицо руками.

— Боже мой, я же не зверь какой-то! Пусть внесут его в дом, я пошлю за доктором.

Марта вскочила, не удержалась и обняла графиню, прижавшись мокрым лицом. Потом устремилась к двери.

— Спроси, что им еще надо, я велю послать! — Вслед ветру произнесла старуха.

Через несколько минут в дверь снова постучали. В покои вошел Хикумо. Он выглядел усталым и встревоженным.